

ПРАВО КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВИЛА ЗАКОННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ (ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД)¹

© 2010 г. Владимир Георгиевич Графский²

Краткая аннотация: статья содержит обоснование нового подхода к восприятию таких существенных свойств права, как его бытие и внешнее выражение в виде справедливого правила, примененного к фактическим взаимоотношениям правосубъектов на основе обычая или закона. Свой подход автор называет интегральным и видит его главное назначение в содействии преодолению существующего хаотического методологического плюрализма и научного специализма, препятствующих целостному видению научных и практических проблем, а также их фундаментальному обсуждению.

Annotation: article contains a substantiation of the new approach to perception of such essential properties of the right, as its ontology and external expression in the form of the fair (justice) rule applied to actual mutual legal subjects' relations on the basis of custom or the law. The approach the author names integral and sees its main appointment in assistance to overcoming of existing chaotic methodological pluralism and scientific particularities, which made sensitive difficulties to complete vision of scientific and practical problems and to their fundamental discussion.

Ключевые слова: право, законность, справедливость, правило справедливости, интегральный подход, юриспруденция.

Key words: law, legality, justice, the rule of justice, the integral approach, jurisprudence.

Растущая методологическая энтропия современного научного знания, возникшая частично эволюционно, частично под воздействием легковесных постмодернистских обобщений и построений, сделала особенно актуальной задачу сохранения фундаментального профиля многих общественных наук и соответствующих профессиональных занятий и ориентаций.

Например, существование в одно и то же время 300 определений функции в социологии, а также 300 определений самой социологии создают уникальную методологическую ситуацию в самой обширной по тематике и самой вместительной по числу работников общественной дисциплине (за возможным исключением науки истории). Не лучшим образом дело обстоит и в других дисциплинах, в том числе в юриспруденции. В российской традиции юриспруденция иногда именуется правоведением, хотя в более адекватном истолковании эта область предстает таким знанием и умением, которую римляне аттестовали как “правовое благоразумие”. Слово “правоведение” в свою очередь образовано с участием польского и русского слова “право” и санскритского “веды” (знание, ведение). В России сейчас насчитыва-

ется около 40 юридических (правоведческих) дисциплин, включающих многие гибридные и неуклюже сформулированные образования, кстати, повсюду – не только в России – распространенные, такие как юридическая информатика или экологическое право.

В сложившейся обстановке безграничного предметного и методологического плюрализма многие склонны видеть выход из ситуации в создании комплексной дисциплины общеметодологического назначения, которая смогла бы выполнять роль комплексной, наподобие энциклопедии права, – дисциплины, содействующей улучшенной ориентации в ключевых проблемах сегодняшнего правоведения (в России уже имеются 3–4 оригинальные разработки в этом направлении)³.

Для нас в таком раскладе кажется существенным и оправданным то направление, которое ищет выход из такого положения в разработке

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант 08-03-00255а.

² Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор (E-mail: veganat@mail.ru; тел.: (495) 691-34-90).

³ В последние годы обсуждению и авторской реализации интегративного замысла в правоведении значительное место уделяют В.В. Лазарев, А.В. Поляков, Р.А. Ромашов (см., например: Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2004; Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Современные концепции правопонимания. СПб., 2005. С. 8–22; Лазарев В.В. Истоки интегративного понимания права // В сб.: Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2006 (далее – Наш трудный путь к праву)).

интегрального подхода и в создании уточненных предметных и методологических контуров юриспруденции, которую можно было бы назвать интегральной юриспруденцией.

В англоязычной литературе эта ориентация представлена в работах американских историков и философов права и политических идей Дж. Холла (середина XX в.) и Г. Бермана (середина и вторая половина XX в.). В русскоязычной литературе это методологическое направление представлено работами выдающегося либерально-христианского русского философа конца XIX в. Вл. Соловьева и его более поздними единомышленниками или по крайней мере соразмышляющими соотечественниками из числа философов и теоретиков права. В их числе А.С. Яценко и Б.А. Кистяковский (первая четверть XX в.), Г.Д. Гурвич и Н.Н. Алексеев (первая половина XX в.), а также В.С. Нерсисянц (вторая половина XX в.).

В наборе синтезаторских усилий, имевших место за последние 100 лет, можно зафиксировать по крайней мере две волны изысканий и построений (условно – в начале и во второй половине прошлого века), в которые оказались вовлеченными представители самых разных национальных школ и научных направлений. И первую, и вторую волны юрико-методологического синтезаторства русских философов и юристов необходимо воспринимать на фоне многовековой традиции вольного и невольного синтезаторского упорядочения правоведческого знания под воздействием запросов повседневной практики или новых познавательных и объяснительных конструкций в общественном знании вообще и в социально-юридическом в особенности. К такому можно отнести, к примеру, практический синтез божественного и человеческого права в творчестве крупнейших в истории деятелей в области законоискусства, таких как вавилонский царь Хаммурапи и пророк Моисей. Сюда же можно отнести синтезаторские усилия выдающихся римских юристов в деле гармонизации использования *jus civile* и *jus naturale* (Гай, Ульпиан и др.), в особенности их трактовку соотношения права и общего блага (Цельз-мл. и Цицерон), а также призывы средневековых юристов найти точки соприкосновения для взаимопонимания и сотрудничества между цивилистами и канонистами (т.е. между знатоками – специалистами в области гражданского и канонического права), наконец, эпизодически провозглашаемые призывы религиозных и светских юснатуралистов гармонизировать естественное право с позитивным, сделав первый критерием оценки, а также источником и контрольной инстанцией для второго.

Ушедший XX в. обозначил особенную важность проблем гармонизации национального законодательства с универсальным и региональным международным правом, а также гармонизации нескольких правовых систем в рамках той или иной региональной международной кооперации государств (очевидный пример – так называемое европраво, а до него – советское право в его национальном и межнациональном восприятии и др.).

К истории вопроса

Начальной стадией интегративных устремлений в отечественном правоведении следует считать работы К.А. Неволлина “Энциклопедия законоведения” (Киев, 1839), где содержание законоведения как области знания рассмотрено в его отношении к другим родам и областям познания в виде вспомогательных наук законоведения⁴. Другой пример – разработка философии всеединства Вл. Соловьевым в “Оправдании Добра: нравственная философия” (1894–1895, вышла отдельной книгой в 1897 г.), который распространил свою методологию нравственного бытия на область правоведения, что нашло выражение в работе “Право и нравственность. Очерки из прикладной этики” (1897). На обе эти работы Соловьева поступила масса откликов в виде рецензий и статей в университетской науке того времени. Самой памятной стала брошюра-рецензия Б.Н. Чичерина, поставившего под сомнение саму возможность сочетания права и нравственности в единой прагматически ориентированной доктрине. Но эта позиция не была преобладающей.

В истории русской философской мысли Вл. Соловьеву принадлежит уникальный замысел построения синтетической философии, в которой объединяющим принципом всей философской системы выступает начало равновесия и гармонии. Тем самым была продолжена давняя традиция построения живого синтеза разных областей философии, начатая Пифагором с его идеей гармонии, Сократом с его гармонизацией принципов счастья, пользы, добродетели, долга в рамках нравственной философии, а также христианством с его идеей равновесия двух миров – мира идеальных сущностей и мира чувственной реальности⁵. Синтетическая философия Вл. Соловьева послужила благодатной почвой для выдвижения концепции

⁴ См.: *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения. Серия “Из истории отечественного правоведения”. СПб., 1997. С. 78.

⁵ См.: *Яценко А.С.* Философия права Владимира Соловьева (1912) // В кн.: *Яценко А.С.* Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб., 1999. С. 41 (далее – *Яценко А.С.* Философия права Владимира Соловьева).

особым образом синтезированной теории права и государства А.С. Яценко (1877–1934) и, по всей видимости, сказала на концепции интегральной культуры П.А. Сорокина (1889–1968).

Суть назревшей потребности в юриспруденции и философии права Яценко сформулировал с учетом своего опыта изучения истории и теории права. В 1912 г. в “Журнале министерства юстиции” появилась его статья с характерным названием “Синтетическая точка зрения в юридических теориях”. Она начиналась словами: “Изучая историю и современное состояние общей юриспруденции и философии права, мы постоянно встречаемся с одним общераспространенным фактом – именно всякая юридическая теория обыкновенно стремится очень последовательно провести и обосновать какую-нибудь одну точку зрения; точка зрения эта принимается в большинстве случаев очень односторонне, с исключением всякой другой. Неудивительно поэтому, что юридические теории расходятся между собою в самых разнообразных и существенных вопросах, и прежде всего в изначальном и коренном вопросе о природе права”⁶.

Подобное положение возникает, по мнению автора, вследствие того, что обычно от целого (целостного видения)⁷ “отвлекаются” на частные идеи, т.е. на особые стороны и элементы всеединой идеи, и утверждают в своей исключительности, теряя при этом свой надлежащий теоретический и практический характер. Односторонне отмечая в юридическом явлении один момент, принимают часть за целое. В итоге возникает неадекватность юридических определений, их отвлеченность

⁶ Яценко А.С. Синтетическая теория права в юридических науках // Журнал министерства юстиции. 1912. Январь. С. 3.

⁷ Проблема целостности остро стоит до сих пор не только в области знания, но также и в области самой жизни человеческой, где она заметнее всего сказывается в виде возрастающей трудности самоидентификации человека. На этой почве возникли такие популярные констатации философов и социологов второй половины XX в., как “одномерный человек” (Г. Маркузе), “всесторонне сокращенный человек” (немецкая кинопублицистика). В русской богословской литературе начала того же века данная тема констатировалась как глубокая порча современного человека. Отец П. Флоренский зафиксировал ее в таких словах: “Распались начала внутренней жизни: святыня, красота, добро, польза не только не образуют единого целого, но даже и в мыслях не подлежат слиянию. Современная святыня робка и жметса в затаенный, ни для кого ненужный, уголок души. Красота бездейственна и мечтательна, добро – ригористично; польза – пресловутый кумир наших дней – нагла и жестока. Жизнь расплылась” (“Общественные корни идеализма”) (цит. по: Пестов Н.Е. Основы православной веры. М., 1999. С. 22).

и односторонность. Так, например, в правовых нормах видят только разграниченную внешнюю свободу и строят на этом индивидуалистическую теорию права. Либо видят во власти только проявление господствующей воли и строят волевую теорию власти. В итоге индивидуалистические теории права отказываются видеть в праве выражение общественной функции охраны общего интереса, а волевые теории власти не хотят заметить во власти момента сознательного признания и добровольного подчинения. Демократическая теория правления оказывается не в состоянии принять и даже понять, что правительственная власть не просто и не только исходит от народной воли, но и носит в самой себе источник своего авторитета и что не все можно в природе правительственной власти свести к воле лиц, которые, между прочим, ей подчиняются⁸.

Свою непосредственную задачу автор видел в том, чтобы склонить своих коллег к такому пониманию природы права, которое охватило бы все существующие теории “в их односторонней правильности”. Такое понимание возможно, и оно дается “синтетической идеей равновесия”, которая, по Вл. Соловьеву, выражает самую существенную особенность права. А равновесие подразумевает “принудительное равновесие между интересами личной свободы (т.е. проявлением личной воли) и интересами общественного блага”. Синтетическая идея равновесия приводит, по мнению автора, к признанию относительной справедливости враждующих теорий права. В монографии “Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства”, изданной в этом же году, А.С. Яценко, вслед за Соловьевым, объявляет ложным дуализм естественного и положительного права. Естественное право есть всего лишь логическая, рациональная сущность права, исторически реализуемого в зависимости от совокупности исторических условий, и прежде всего от нравственного сознания общества. В этом смысле естественное право тоже есть положительное (а не измышленное) право⁹.

Нет двух прав, положительного и естественно-го, а есть одно право, как есть одна нравственность, в которой естественная нравственность не противопоставляется положительной. Что касается философского осмысления этого мнимого дуализма, то на сей счет имеются весьма выразительные примеры. Можно быть позитивистом

⁸ См.: Яценко А.С. Синтетическая теория права в юридических науках. С. 5.

⁹ См.: Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. С. 122.

в философии и сторонником дуализма в праве. Таковой является, в частности, позиция Конта и в еще большей степени – Спенсера¹⁰.

Следующей вариацией на тему синтезированной юриспруденции стала общая теория права П.А. Сорокина, который свое социологическое видение природы и функционирования права превратил в своеобразный вариант синтезированной (интегральной) юриспруденции.

Обозревая все возможные социальные проявления права, Сорокин конструирует комплексную обобщающую характеристику права, которую сводит к следующим трем основным измерениям: право как правила поведения; оно же как правила и нормы, данные в психике в виде правовых убеждений; наконец, оно же в виде правовых убеждений, реализованных и объективированных в источниках права, различных институтах политической организации общества.

Итак, право, по П.А. Сорокину, есть “1) совокупность правил поведения, указывающих дозвоительно-должное поведение путем распределения полномочий и обязанностей; 2) такие правила или нормы, которые даны в психике людей в виде правовых убеждений, указывающих должное поведение путем признания и разграничения определенных прав и обязанностей за теми или иными лицами в различных случаях жизни; 3) эти правовые убеждения реализуются или объективируются в различных видах и формах. Они, в частности, объективируются: 1) в правовых устных суждениях; 2) в символически-правовых обрядах; 3) в писаных законах; 4) в поведении и поступках людей, вызванных к жизни этими убеждениями и представляющих осуществление их; 5) во всей социально-политической организации общества и в укладе его отдельных институтов (вероятно, элементов. – В.Г.) и учреждений”¹¹.

Подобное обсуждение проблематики природы и назначения права носит одновременно и комплексный, и синтезирующий характер. Нацеленность на такого рода синтезирование составляет весьма примечательное свойство методологического настроя в российском правоведении начала XX в., пребывающего в это время под большим обаянием синтезирующей философской концепции Вл. Соловьева.

Как убеждал и доказывал один из самых памятных почитателей Соловьева, его философия права синтезирует в некой гармонии личное начало

в праве с началом социальным, общественным, выявляя тем самым двуединую природу права. В развитии концепции, “признающей двустороннюю природу общества как лично-собираательно-го образования, как равновесия двух моментов, личного и общего”¹² видел свою основную задачу и сам истолкователь, а также продолжатель синтезирующей традиции.

Он, в частности, обращал внимание на то обстоятельство, что любая правовая теория из существующих в настоящее время, будь это теория социологическая, этическая или психологическая, обыкновенно стремится обосновать какую-то одну гносеологическую позицию или точку зрения, причем эта точка зрения исключает всякую другую. Таким образом, создаются взаимно противоречащие и исключают друг друга теории, “среди которых трудно разобраться и найти истинную”. Яценко признавал при этом, что на общественные явления, к которым относится и право, действительно можно смотреть с самых различных точек зрения. Ему же принадлежит мысль о том, что каждое одностороннее построение, если оно считается с реальной жизнью, не является абсолютно ложным, но имеет существенное частное значение, а тем самым и свое оправдание¹³. Однако удовлетворяться такими односторонними теориями, уверен Яценко, нельзя, нужно создавать теории синтетические, которые обнимали бы собою все остальные определения и заключали бы их в себе внутренне связанными. Это должно быть не эклектичным, механистическим объединением, а “органическим соединением всех односторонних определений на основании *синтезирующей силы всеобъемлющего начала...* (Курсив мой. – В.Г.)”¹⁴.

На основании проделанного анализа и обобщений Яценко сформулировал следующее синтетическое определение права: “Право есть совокупность действующих в обществе вследствие коллективно-психического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага”¹⁵.

У Соловьева было сформулировано и осталось не до конца проясненным более сложное задание для признания и оформления действующего права и, соответственно, для правоведения – не только

¹⁰ См.: там же. С.123. Прим. 1.

¹¹ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919. С. 31.

¹² Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 15.

¹³ См.: там же.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 174, 175.

обеспечение равновесия личного с общественным, но также синтеза свободы и равенства.

По мнению В.В. Лазарева, образцом вполне удачного конструирования интегративного понятия права является определение, данное выдающимся социологом и философом права русского зарубежья первой половины XX столетия Г.Д. Гурвичем. Одно из его терминологических воплощений составляет понятие “социальное право”, хотя, заметим сразу, само по себе социальное право все-таки не все право в его возможных исторических и конкретно-социальных воплощениях. Итак, социальное право в растолковании Гурвича есть “автономное право всеединства, объективно интегрирующее в себя всякую действительную активную тотальность, которая воплощает вневременную позитивную ценность”¹⁶.

“Социальное право”, по уточненному истолкованию нашего выдающегося философа и социолога права в одном лице, является “автономным правом всеединства, с помощью которого происходит самоинтеграция всякой активной тотальности, конкретной и действительной, воплощающей позитивную ценность; оно является правом интеграции (или, если будет угодно, инординации – *inordination* (фр.), отличным как от права координации (правопорядок индивидуального права), так и от права субординации, признаваемого только системами юридического индивидуализма и одностороннего универсализма”¹⁷.

Размышляя вслед за автором над заявленной темой, можно считать вполне убедительным его обобщение о “самоинтеграционных” и (частично) интеграционных потенциях отраслевого правового регулирования, но это замеченное и так удачно описанное интегративно-сплачивающее единство социального права как обособленного социального феномена все же не претендует на ту степень всеединства, которую следует признавать за правом вообще и за обсуждающей эту особенность права интегральной юриспруденцией. Отметим попутно, что в концепции социального права Гурвич творчески переинтерпретирует идею всеединства, которую развивал в русской философии В.С. Соловьев в процессе обсуждения концепции единства трехипостасного мира бытия природы, богочеловечества и софийности и которую затем поддержали и всячески развивали другие сторонники и почитатели философской гносеологии великого русского синтезатора фило-

софского знания в его памятной оппозиции к философии позитивистской и догматической религиозной.

Определение права, которое В.В. Лазарев имеет в своих учебных изданиях интегративным и делает это начиная с 1992 г., выглядит следующим образом: “Право – это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспечиваемых официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом”¹⁸.

Это определение, как представляется его автору, может претендовать на то, чтобы весьма определенно сказать, “что является правом в данном сообществе людей в данное время”¹⁹. Оно же претендует на практичность главным образом благодаря нормативным требованиям равенства и справедливости, поскольку право всегда “мерило, масштаб справедливости”. При этом автор констатирует, что интеграция подходов в понимании права может проводиться на разных уровнях. На самом высоком, философском уровне это – абстрактные философские конструкции Канта и Гегеля, на уровне социологии права – приведенное выше определение Гурвича.

Нам, в свою очередь, представляется важным и необходимым отметить, что данное определение так или иначе перекликается с трехипостасным определением права как совокупности требований равенства, свободы и справедливости. Они присутствуют в аналогичном определении В.С. Нерсисянца, который, не называя его интегративным, базирует свое определение одновременно на теоретическом и историко-правовом материале и в этом смысле делает его более фундированным. Это определение В.С. Нерсисянцем развито в рамках либертарной теории права, которую он размещает в некоем концептуальном и доктринальном обособлении от главных философско-правовых конструкций – легизма и юснатурализма.

Обсуждая тему понятия права, В.С. Нерсисянц поначалу проводит “принципиальное отличие между двумя противоположными типами правопонимания”, которые, по его характеристике, можно назвать, соответственно, юридическим

¹⁶ Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избр. соч. СПб., 2004. С. 55.

¹⁷ Там же. С. 51, 52.

¹⁸ Лазарев В.В. Теория государства и права. Учебное пособие. М., 1992. С. 121–123; Общая теория права и государства. Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1994 (переизд. 1996, 1999, 2005). Тема – “Современные подходы к пониманию права и их значение для юридической практики”.

¹⁹ См.: Наш трудный путь к праву. Сборник. С. 137 и след.

(от *ius* – право) и легистским (от *lex* – закон)²⁰. И далее он констатирует свое исходное положение в обсуждении темы в условиях теоретического плюрализма: «...именно для юридического правопонимания вопрос “что такое право?” является подлинным вопросом, действительной проблемой. Для легистского же подхода такого вопроса в подлинном смысле не существует, поскольку для него право – это уже официально данное, действующее, позитивное право. У легизма здесь нет проблем, у него есть лишь трудности с определением (дефиницией) того, что уже есть и известно как право. Трудность эта главным образом состоит в том, что определение позитивного права (как определенная согласованная, непротиворечивая, обобщенная характеристика изменчивого и противоречивого эмпирического материала действующего права) должно и соответствовать определяемому объекту, и вместе с тем быть свободным от его противоречий, исключений и особенностей, которые как раз и существенны для действующего права»²¹.

Юридический тип правопонимания исходит из другой понятийной конструкции, согласно которой “право – это всеобщая и необходимая форма свободы людей”²². Однако юридический и легистский типы правопонимания фактически интегрируются, когда идет речь о “правовом законе”. “Правовой закон – это и есть право (со всеми его объективно необходимыми свойствами), получившее официальную форму признания, конкретизации и защиты, словом – законную силу”²³.

Политическая философия и тесно связанная с ней правовая философия имеют дело с прояснением проблем властного правления на основе принципов **законности и справедливости** и обсуждением статусных и ролевых особенностей в этом процессе человека как гражданина и государства как наиболее концентрированного средоточия властного влияния и принуждения в обеспечении указанных принципов (они же – благотворные цели властного правления). С некоторых позиций законность и справедливость выступают такими универсальными категориями, которые обнаруживают свою аналитическую и практическую пригодность во все общеизвестные исторические эпохи существования государства у самых разных народов.

Право как результат применения правила законной справедливости

Современное представление о комплексной структуре не только правоотношений, но также самого “атомарного” его компонента – правовой нормы наводит на мысль о крайней затрудненности обсуждения вопроса об измеримости и направленности социальной эффективности правового регулирования и социальной роли права в целом. Возьмем, к примеру, обсуждение интегративного (сплачивающего) воздействия права и правового общения. Для такого сплочения очевидна действенная роль не только соответствия правовой политики насущным потребностям правовой практики, но также соответствие между правовой политикой, практикой и определенным правопониманием.

Интегрирующее свойство права находит свое воплощение вследствие того, что для каждого непредубежденного исследователя социальных, психологических, институциональных или терминологических комплексов, входящих в характеристику правоприменения, право и фактически и теоретически образует смысловое ядро всех этих комплексов, отражаясь в них для заинтересованного исследователя наподобие солнца в капле воды.

С точки зрения концепции некоей общей, по-новому синтезированной (**интегральной**) юриспруденции право должно восприниматься сложно организованным и многофакторным объектом познания, находящимся в состоянии динамики и постоянного обмена познавательными ракурсами и обобщениями между различными правоведческими подходами. С точки зрения главного своего смысла и назначения право должно восприниматься одновременно областью сосуществования разноустремленных (в познавательном и не только в познавательном плане) комплексных семиотических образований, находящихся в состоянии взаимного обмена идеями и аспектами и одновременно в состоянии некоей оправданной целостности и согласованной взаимной связи и поддержки.

С учетом этой методологической ориентации сегодняшняя юриспруденция должна подразделиться (фактически она уже давно так подразделяется) на три взаимосвязанные области знаний и умений – на юриспруденцию теоретическую (философскую, социально-антропологическую и догматическую), практическую (судебную и иную правоприменительную практику) и общую (сводную, синтезированную, интегральную). Эти положения подробно развиваются нами в других

²⁰ См.: *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 1997. С. 32.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 34.

²³ Там же. С. 36.

публикациях, но в сводном виде – впервые²⁴. Своеобразие нового подхода, именуемого интегральным, состоит в новом ракурсе обзора природы и сущностных компонентов права и новом рисунке контактов его изучающих дисциплин, что позволяет говорить о новом “горизонте” или новой “парадигме” рассматриваемой дисциплины вместе с ее окружением, вечно живой проблемой демаркационных междисциплинарных границ, с ее ценностными установками в их взаимосвязи с личностными и социально-групповыми общежительными ориентациями по условиям места и времени.

В литературе по философии права эта проблема впервые была высказана Вл. Соловьевым в конце XIX в. Он, в частности, пришел к выводу о том, что право в его историческом измерении предстает “исторически-подвижным определением необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага”. То же самое в другой формулировке представляется как равновесие между формально-нравственным интересом личной свободы и материально-нравственным интересом общего блага. Правило истинного прогресса состоит в том, отмечал философ, чтобы государство как можно менее стесняло внутренний мир человека, предоставляя его свободному духовному действию церкви, и вместе с тем как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия “для достойного существования и совершенствования людей”. Обсуждая проблемы внутринациональные российские, философ так оценил пореформенную ситуацию: «Государственная идея, высокая сама по себе и крепкая в державном источнике ее, в практике жизни приняла исключительную форму “начальства”. Начальство сделалось всем в стране»²⁵.

Одно из свидетельств непривычной сложности обсуждаемой проблемы – частое обсуждение темы о количестве, а также иерархии существующих методологических подходов к праву. В количественном отношении дело обстоит проще всего. К типичным причисляют два-три основ-

ных (например, юридический позитивизм и юснатурализм, иногда с добавлением юридического либертаризма) либо некое открытое для пополнения множество подходов (философский, социологический, нормативистский, психологический, феноменологический, герменевтический, коммуникативный и др.). Сложнее дело обстоит с адекватностью именно таких обособлений в рамках юриспруденции, и в особенности с иерархией этих подходов – ведь все они пребывают в разной степени авторитетности, а также в неодинаковой научной, учебной и практической разъясненности или воплощенности.

Что же подлежит творческому синтезированию? Разумеется, это в первую очередь научные и философские резюмированные (запечатленные в точных и ясных определениях и обобщениях) умозрения, представленные, но еще не препарированные до некоторого “работающего” состояния, т.е. не приобретшие вид “интегрированных”, а всего лишь “интегративных”, т.е. отобранных к интегрированию. При этом следует иметь в виду, что во всяком философском юридическом знании можно различать и выделять несколько составных частей, например теоретическую, практическую и этическую, которые, в свою очередь, могут воплощать в себе гносеологические или праксеологические потенциалы на социологическое, психологическое или языковедческое восприятие права и правовых отношений, а в более усложненном варианте обсуждения такой перспективы могут оказаться дополненными или усиленными правовой педагогикой, правовой эстетикой и в конечном счете правовой мудростью.

Число интегрируемых таким образом методологических подходов может быть и три, и шесть, и больше. В этом случае социология права будет своеобразным и по-своему более комплексным дополнением исторической юриспруденции, которая ориентирована больше на социогенетическое освещение природы и преемственного развития права. Психология права в состоянии будет существенно обновить и расширить не только бихевиористский аспект правопонимания, но и душевно-духовные характеристики участников правового общения. Наконец, особое место может быть отведено интегративным потенциалом юридической лингвистики, которая будет содействовать достойной встрече нового этапа в диалоге разных правовых культур, в их международном или внутригосударственном общении и взаимообогащении.

Примеры успешных синтезаторских решений еще не стали прочным достоянием современной

²⁴ См., например: *Графский В.Г.* Интегративная юриспруденция // История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 1995; *Его же.* Об интегративной методологической ориентации в современном правоведении // Юридическое образование в России: в поисках новой модели. Саратов – Екатеринбург, 2005. С. 60–75; *Его же.* Интегративная юриспруденция в условиях плюрализма подходов к изучению права // В сб.: Проблемы понимания права. Серия “Право России: новые подходы”. Вып. 3. Саратов, 2007. С. 8–18; *Его же.* История политических и правовых учений. М., 2009. С. 660–669, 696–701.

²⁵ *Соловьев В.С.* Соч. Т. 1. М., 1999. С. 447.

юриспруденции²⁶. Очевидным исключением выступает тенденция к известному сближению и согласованию принципов и норм международного и национального (внутригосударственного) права, что стало общим местом в законодательстве значительного числа современных государств, особенно в послевоенный период их истории. Некоторое обнадеживающее обстоятельство содержится и в самих национальных правовых системах. Дело в том, что в каждой национальной системе законодательства синтез позитивистского, философского и исторического подходов присутствует не доктринально (не как специально сформулированное и затем реализованное политическое или методическое задание), а фактически.

Одним из возможных путей раскрытия интегративных свойств права и изучающих его методик (правоведения в широком смысле слова) является сравнительное исследование права и правовых культур прошлого и современности. Всякая культура – языковая, философская, политическая и, разумеется, правовая живет в постоянном сопоставлении “своего” и “чужого”, в столкновении или в союзе этого “своего” и “чужого” на общую пользу. Именно в силу этого обстоятельства культура, как таковая, всегда предрасположена к сопоставлению, сравнению, неважно какому – контрастному или родственно схожему. Обратим внимание, что в таком сравнении всегда имеет место и даже потребность в обнаружении черт сходства (тождества) и различия, которые по своему творческому интегративному потенциалу гораздо значительнее соответствующих упорядочивающих операций с логико-понятийными конструкциями того или иного методологического подхода.

В заключение предлагаем формулировку уточненного представления о понятии права с применением новой методологической ориентации в его познании и практическом восприятии и пользовании.

Право есть требование справедливого правила урегулирования фактических взаимных отношений лиц и коллективов, возникающего на основе обычая или закона, которые создаются, признаются и поддерживаются в целях обеспечения мирного общественного порядка и благой жизни и

²⁶ См. об этом нашу публикацию под названием “Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект” // Правоведение. 2000. № 4. Развитие этой темы см. также: *Графский В.Г.* Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция как теоретическое и практическое задание // В сб.: Наш трудный путь к праву. С. 140–165.

осуществляются на началах согласия и уважения к взаимным притязаниям путем должного соблюдения требований формализованного равенства, свободы и ответственности участников правового общения с гарантированным применением убеждения и принуждения в случае разногласий и конфликтов по поводу необходимой реализации своих правомочий или правообязательств.

Центральным или фундаментальным признаком права, таким образом, становится не приказ суверена с угрозой принуждения, а справедливое правило человеческого поведения, которое конструируется с учетом правовой ситуации²⁷ и может обходиться и без принуждения (официального и неофициального). Право согласно просвещенному житейскому убеждению имеет в качестве важнейших целей не только мирное (безопасное) разрешение конфликта субъектов определенных прав и обязанностей с гарантированной общей и частной пользой, но также и соблюдение формализованных требований справедливости и законности. Одним из основных (но не единственным) обеспечителей действенности права как справедливого правила является государство с его монополией на принуждение во имя порядка и законности.

С учетом сказанного можно кратко определить главное социальное назначение права в его формально-определенном воплощении и обиходном (процедурном) пользовании – *быть результатом применения правил законной справедливости.*

Таким образом, право в его более обстоятельном (прежде всего комплексном и междисциплинарном) обсуждении предстает исторически возникающим и ставшим устойчивым правилом человеческого поведения, предназначенным обеспечивать справедливость, законность и пользу при помощи процедур убеждения или принуждения. Справедливость в качестве главной гарантии надлежащего порядка и законности обеспечивается формальными равенством и относительной свободой участников правового общения, а также соответствующими правилами обычаев и законов, которые в той или иной мере воплощают юридизированные ценностные установки субъектов конкретного правового общения и всего общества (помимо ценностей формализованного равенства и свободы также честность, добросовестность, добродетельность, согласие,

²⁷ Об онтологических и гносеологических аспектах правовой ситуации в ее взаимосвязи с генезисом права и правовых правил см. монографическое исследование: *Стовба А.В.* Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков, 2006.

точное и неуклонное исполнение требований закона и др.)²⁸.

Из набора компонентов справедливого права как совокупных требований одну часть можно считать выражением требований распределительной справедливости в ее истолковании Аристотелем, а другую часть отнести к разряду платоновской арифметической и геометрической справедливости, которые Аристотель перетолковал, соответственно, в справедливость уравнивающую и справедливость воздающую. В нашем обсуждении справедливости существенным делается то обстоятельство, что все эти разновидности справедливых ориентаций и требований имеют перспективу стать требованиями законными, т.е. должными и снабженными ко всему прочему определенными авторитетными гарантиями добровольного (по согласию) или недобровольного (по принуждению) их соблюдения.

Перечисленные “математические” и общежительные политические свойства справедливости накладывают свой отпечаток и на внешние проявления юриспруденции как науки и искусства “правового благоразумия”. В зависимости от социального или технико-процедурного контекста правового общения юриспруденция как строй специализированного мышления и авторитетного влияния может представлять юриспруденцией “считающей”, юриспруденцией “думающей” и юриспруденцией “наставляющей” (воспитывающей).

Здесь уместно обратить внимание на широкий диапазон ролевых возможностей и конечной ответственности обычая и закона и на существенное различие между ними, о котором древние римляне сообщают в таком афористическом обобщении: “обычай руководит желающими, закон тащит сопротивляющихся” (*consuetudo volentes*

²⁸ Выдающийся английский философ права прошлого века Г. Харт считал, что право и мораль имеют общий словарь и поэтому существуют и правовые, и моральные обязательства, обязанности и права. Кроме того, существует понятие о справедливости, которое, по-видимому, размышлял Харт, объединяет обе области: “это и добродетель, особо подходящая закону, и наиболее правовая из добродетелей” (см.: Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб., 2007. С. 15).

ducit, lex nolentes trahit)²⁹. Для наших целей существенно сочетание различных и в то же время надлежащих в обеспечении задач правового общения процедурных и формально-определенных компонентов правового регулирования.

Однако более существенным в предложенном восприятии и истолковании феномена права является новая системная целостность в отображении его возникновения, функционирования и эволюции на протяжении жизни многих поколений. Право как результат применения правила человеческого поведения рассматривается совокупно и одновременно с наиболее ранними и самыми поздними формами возникновения и фиксации этих правил – в виде обычая (правового обычая) и в виде закона (писаного и неписаного, своего рода естественного закона, а также в виде правового закона наряду с правилами моральными, технико-организационными и др.).

Интегративность правопознания и правопонимания как актуализированная в современной истории ориентация представляет собой ответ на вызов новейшей стадии человеческого бытия и мировосприятия как всесторонне сокращаемого, а также стихийно и заинтересованно унифицируемого бытия “одномерного человека” (термин Г. Маркузе). Она состоит в обозначении путей и средств удовлетворения потребности в целостном постижении социального мира в его возможной и реальной красоте, доброте, справедливости и совершенстве для всех и каждого. Однако этому совокупно противодействуют воинственный социокультурный партикуляризм и научный специализм (последний противостоит научной широте и философской целостности изучения и объяснения).

Уточненное соотношение теории и философии права формируется сегодня под воздействием обновляемых научных ориентаций, а также с учетом потребностей современного информационного и супертехницистского общества со своими закономерностями, обыкновениями и всяческими достижениями вперемежку с еще недостаточно учтенными упущениями или несовершенствами.

²⁹ Судебный прецедент в роли источника права воспринимается сегодня одним из воплощений правового обычая со многими присущими ему отличиями от писаного закона.